

Звезда

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
НЕЗАВИСИМЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1924 года

2023/9

Санкт-Петербург

ЭССЕИСТИКА И КРИТИКА

ГЛЕБ МОРЕВ

СУД ПО УКАЗУ

*К истории осуждения и освобождения Иосифа Бродского
(1962—1965)*

1

Подписанный тремя авторами — А. Иониным, Я. Лернером и М. Медведевым — фельетон «Окололитературный трутень» вышел в газете «Вечерний Ленинград» 29 ноября 1963 года.¹ Публикация такого рода «обличительных» материалов, отражающих точку зрения «советской общественности» и предваряющих решение суда, была обязательной частью установившегося к началу 1960-х годов ритуала осуждения чуждых и/или враждебных советской власти членов социума — аналогичный фельетон был опубликован в ленинградской прессе и перед судом над приятелями Бродского Александром Уманским и Олегом Шахматовым в мае 1962 года. Оба они упоминались и в фельетоне, посвященном Бродскому. В целом текст выглядел продолжением начатой весной 1962 года кампании по преследованию членов кружка Уманского, одним из которых был Бродский. Авторы не скрывали своего знакомства с материалами следствия по делу Уманского/Шахматова, доступ к которым — это не заявлялось в тексте прямо, но следовало из него со всей очевидностью — был получен ими в КГБ. Именно предоставленные КГБ материалы стали смысловым центром фельетона, его «главным»,

Глава из подготавливаемой автором литературной биографии Иосифа Бродского.

Глеб Алексеевич Морев (род. в 1968 г.) — филолог, историк русской литературы XX века. Автор книг «Диссиденты: Двадцать разговоров» (М., 2017), «Поэт и Царь: Из истории русской культурной мифологии (Мандельштам, Пастернак, Бродский)» (М., 2020; 2-е изд. — СПб., 2023), «Осип Мандельштам: Фрагменты литературной биографии (1920—1930-е годы)» (М., 2022). В настоящее время живет в Париже.

по определению авторов, содержанием. При этом характерно, что если при публикации статьи о кружке Уманского весной 1962 года КГБ счел нецелесообразным публиковать информацию об инциденте с несостоявшимся угоном самолета в Самарканде в январе 1961 года, то сейчас этот эпизод, подробно изложенный на основании показаний Шахматова и Бродского, становится основным пунктом обвинений против поэта. В полном соответствии с установками и со стилистикой подготовленной летом 1962 года заместителем начальника 2-го отдела (контрразведка) ленинградского УКГБ П. П. Волковым справки о Бродском эпизод этот квалифицируется в газете как «план измены Родине». Собственно «литературная» часть фельетона, сводящаяся к обвинениям Бродского в том, что он является «кустарем-одиночкой» и не желает иметь ничего общего с советскими писательскими институтами («колхозами», если продолжать взятую на вооружение авторами фельетона метафору), выглядит своего рода «приправой» к основанному на изложении допросов рассказу о «планах предательства».

Такая расстановка акцентов в фельетоне — не прихоть авторов, а, разумеется, отражение позиции «заказчика» — КГБ. Годом позднее, в 1964-м, в беседе с проверяющим сотрудником прокуратуры из Москвы, начальник Управления КГБ по Ленинградской области полковник В. Т. Шумилов признаётся: «Фельетон в „Вечернем Ленинграде“ написан по нашим материалам, по нашей инициативе. Наш сотрудник давал материалы Лернеру». ² Сам Лернер (в конце 1980-х годов), уже не скрывая, пересказывал тогдашнюю позицию КГБ: «Бродский вел себя в те годы антисоветски, вот его и судили за это, а не за стихи». ³ С точки зрения органов госбезопасности основной мотивировкой преследования Бродского служил именно самаркандский эпизод. Однако «превентивный» характер этого преследования — в отсутствие самого факта преступления — являлся слабым звеном в выстроенной КГБ схеме изоляции Бродского и ее публичной репрезентации. Как заметил в посланном в «Литературную газету» в декабре 1963 года письме ленинградский прозаик Игорь Ефимов, «если соответствующие органы, осведомленные более подробно, чем авторы статьи, о причастности Бродского к делу Шахматова, не сочли нужным привлечь его к ответственности, то верхом самоуверенности можно назвать такие писания, в которых работа этих органов как бы ставится под сомнение». ⁴

Как мы увидим далее, в сочетании с избранными органами способом «нейтрализации» Бродского — через указ 4 мая 1961 года о «тунеядцах» — именно это обстоятельство определило итоговую неудачу всего замысла КГБ и досрочное освобождение Бродского.

2

В специальной работе, посвященной социополитическим контекстам принятия указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 года «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими паразитический образ жизни», Шейла Фицпатрик утверждает, что основной мишенью указа, по замыслу готовившей его специальной

комиссии ЦК КПСС под руководством Д. С. Полянского, были беспокоившие советских идеологов все более интенсивные проявления теневой экономики: «Нищие, бродяги и проститутки (которые в раннем советском законодательстве преимущественно связывались с понятием „паразитов общества“. — Г. М.) полностью отошли на второй план, о них практически забыли. Важными были лишь процессы, происходящие в рамках „теневой экономики“, посредством которой советские граждане получали „нетрудовой доход“ — вместо обычной зарплаты и жалованья или как прибавку к ним».⁵

Однако по ходу разработки указа и работы комиссии Полянского к экономическому аспекту прибавился (в силу реализации ведомственных интересов — и прежде всего интересов КГБ, принимавшего участие в подготовке будущего закона) аспект идеологический. Так, председатель КГБ СССР А. Н. Шелепин в речи на XXII съезде КПСС в октябре 1961 года, обращаясь к теме борьбы с «паразитизмом», говорил: «Советские законы — самые гуманные в мире, но их человеколюбие должно распространяться лишь на честных тружеников, а в отношении паразитических элементов, всех тех, кто живет за счет народа, законы должны быть суровы, ибо указанная категория лиц — это наш внутренний враг».⁶

Определение «внутренний враг» недвусмысленно переводило регистр разговора в плоскость политической/идеологической борьбы с врагами советской власти, являясь, по сути, модификацией недавней терминологии периода сталинского террора — «враг народа». В качестве такой группы «внутренних врагов», связанных (в частности, через отношения купли-продажи дефицитных товаров) с иностранцами (в которых чекисты априори видели потенциальных шпионов), КГБ выдвинул советскую «золотую молодежь» и/или просто молодежь, с презрением относившуюся к советской «трудовой этике» и к идеологическим ценностям.⁷ К последней группе с точки зрения органов госбезопасности принадлежал и Иосиф Бродский. Это позволяло им, несмотря на недостаточность оснований для уголовного преследования по политической статье, применить к поэту указ от 4 мая 1961 года, предусматривавший до пяти лет «выселения в специально отведенные местности». При этом вопрос о правомерности применения указа о «тунеядцах» отходил на второй план, будучи подменен для КГБ вопросом об идеологической целесообразности репрессии против Бродского как «внутреннего врага»: «Процессуально я верю, что есть ошибки», — признавал, говоря с представителем прокуратуры о деле Бродского, полковник Шумилов.⁸ Это однако не значило, что данная ведомственная логика разделялась другими советскими инстанциями — прежде всего партийными, в задачи которых входил, в частности, контроль над органами госбезопасности.

Это противоречие между чекистской («ведомственной») и «партийной» логиками и создало внутренний институциональный конфликт в деле Бродского, приведший в конце концов к его (относительно успешному для поэта) разрешению.

Вечером 13 февраля 1964 года, на следующий день после возвращения из Москвы, куда он уехал в декабре 1963 года с целью избежать возможного ареста в Ленинграде и где лег в психиатрическую больницу им. Кашенко для получения справки о душевном нездоровье (также призванной защитить его от преследования властей), Бродский при выходе из своей квартиры на Литейном проспекте был задержан сотрудниками КГБ в штатском. «Без предъявления [ими] каких-либо документов посажен в автомашину и доставлен в Дзержинское районное управление милиции, где без составления документа о задержании или аресте был немедленно водворен в камеру одиночного заключения».⁹ Родители узнали о том, что Бродский арестован и содержится в отделении милиции, только сутки спустя. Формально Бродский был задержан «в обеспечение явки в суд»¹⁰, несмотря на то что в суд он не вызывался и административная статья, по которой его обвиняли, не предполагала лишения свободы. В течение четырех суток, которые Бродский провел в одиночной камере отделения милиции на улице Маяковского, 27, родителям не было предоставлено свидания с ним, несмотря на согласие судьи и районного прокурора. Первые же действия властей в отношении Бродского в рамках преследования его по административной статье за тунеядство продемонстрировали особый статус этого, казалось бы, формально рядового дела. Было очевидно, что, по выражению журналистки О. Г. Чайковской, приехавшей в Ленинград в качестве корреспондента «Известий» до ареста Бродского, но уже знавшей — это «комитетское дело».¹¹

Участие КГБ в подготовке и ведении дела Бродского не заявлялось публично, но и не скрывалось внутри государственных структур — заведенное Прокуратурой СССР 4 марта 1964 года (после первых общественных протестов и еще до вынесения приговора Бродскому 13 марта) наблюдательное производство по делу Бродского было поручено Отделу по надзору за следствием в органах государственной безопасности. Как отмечает О. В. Эдельман, изучившая надзорное дело о Бродском в фонде Прокуратуры СССР в Государственном архиве Российской Федерации, «[н]икаких других дел о тунеядстве, кроме этого, среди производств Отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности Прокуратуры СССР нет; и стоит ли напоминать, что к ведению органов госбезопасности вопрос о тунеядстве не относился».¹²

Проблема КГБ в деле Бродского заключалась в том, что органам не удалось убедительно мотивировать для советской общественности причины преследования молодого поэта. Ключевой эпизод дела — история с несостоявшимся угоном самолета в Самарканде — в изложении фельетонистов «Вечернего Ленинграда» выглядел настолько экстравагантно, что — в сочетании с допущенными ими многочисленными ошибками и прямыми подлогами в изложении биографии Бродского и при цитировании его стихов — производил впечатление нелепой выдумки. Отношение литературных кругов к авторам фельетона в декабре 1963 года исчерпывающе выразил тот же Игорь Ефимов в другом письме в газету — в «Вечерний Ленинград»: «Когда люди

показывают себя настолько небрежливими в выборе средств, трудно верить тому, что они пишут. Я не знаю никого из тех, кого они именуют окружением Бродского, но я не могу поверить тому, что о них написано, и не потому, что там что-то ужасное — нет, просто авторы потеряли уже доверие. Когда же они скатываются до дешевого детектива с <...> попыткой похищения самолета — это воспринимается только как пародия».¹³

Та же реакция зафиксирована в дневнике Л. К. Чуковской 13 марта 1964 года: «Законных оснований для его [Бродского] осуждения нет. КГБ, рассмотрев его дело, отпустило его на волю. <...> Если же правда, что он хотел бежать за границу (*чего я не думаю*), то почему бы его туда не отпустить?»¹⁴

Очевидное несоответствие вменяемых Бродскому нарушений закона и требуемой авторами фельетона меры его наказания бросалось в глаза и вызывало недоумение современников, особенно тех из них, кто не понаслышке был знаком с советской репрессивной машиной. Так, 3 декабря 1963 года драматург А. К. Гладков писал Н. Я. Мандельштам: «Про И. Бродского в „Вечернем Ленинграде“ написали страшно: не только про его стишки, которые мне лично не нравятся, — тут и связи с уголовниками и спекулянтами, и встречи с иностранцами, и подготовка побега за границу. В иные времена за это давали полный набор: 25 <лет> и 5 и 5. А сейчас статья оканчивается требованием выслать его из Ленинграда».¹⁵

Весь этот набор нестыковок, ошибок, подлогов и несуразностей в публичной репрезентации дела Бродского (вкуче с сознательным сокрытием роли КГБ¹⁶) создавал у современников — при полном понимании ими политического и «заказного» характера дела — ошибочное представление о том, что инициаторами преследования поэта является не государство в лице органов госбезопасности, а «низовые» активисты и лично задетые Бродским персонажи литературной сцены. Так, Л. К. Чуковская 31 марта 1964 года писала ленинградскому адвокату Я. С. Киселеву: «Тунеядство — предлог. Дело политическое, раздутое и выдуманное на основе Дневника 1956 года двумя негодьями формации 37 г. — Лернером и Медведевым. Они очень энергично топят поэта, при содействии [ответственного секретаря Ленинградского отделения СП РСФСР А. А.] Прокофьева, который его ненавидит за эпиграмму».¹⁷

Общее впечатление достаточно широкого круга ленинградской и московской интеллигенции от *стилистики* преследования Бродского и от факта применения к нему указа от 4 мая 1961 года сформулировано Я. А. Гординым: «...они, казалось нам, перехватили даже по тогдашним меркам».¹⁸

В этой ситуации поведение руководства ЛО СП РСФСР, ставшего фактически инструментом в руках КГБ в операции по изоляции Бродского, и те методы, которыми эта операция осуществлялась, вызвали открытое возмущение многих ленинградских писателей, выразившееся в индивидуальных и коллективных письмах протеста. Письмо в Комиссию СП по работе с молодыми авторами с протестом против «подлога и лжесвидетельства», допущенного секретарем комиссии В. Е. Воеводиным в деле Бродского, подписали в марте 1964 года сорок семь ленинградских писателей.

Как справедливо отмечает Гордин, «этим письмом было начато движение „подписантов“ — людей, подписывающих коллективные петиции в защиту жертв незаконных процессов: Синявского—Даниэля, Гинзбурга—Галанскова и других, — захватившее к концу шестидесятых годов не одну тысячу интеллигентов и затем разгромленное».¹⁹

Эта беспрецедентная для советского общества протестная реакция стала следствием допущенной КГБ ошибки: «закрывая» начатое, по-видимому, весной 1962 года дело оперативной разработки (ДОР) на Бродского весной 1964 года²⁰, госбезопасность не учла его сильно возросшую по сравнению с началом 1962 года (когда дело было открыто) известность в писательских кругах²¹, упрочившиеся литературные связи и реальный объем профессиональной работы в качестве публикуемого автора детских стихов и переводов.²² Инерционно выбранный КГБ весной 1962 года сценарий изоляции через указ от 4 мая 1961 года²³ в этих условиях уже не работал.

Энергичная общественная кампания в защиту Бродского началась сразу после публикации фельетона в «Вечернем Ленинграде» и многократно усилилась после его ареста. Это привело к тому, что уже в конце февраля 1964 года (до формального осуждения Бродского) действия ленинградского УКГБ стали предметом внимания московских контролирующих инстанций — прежде всего в лице заведующего Отделом административных органов ЦК Н. Р. Миронова.

Однако вплоть до октября 1964 года никакие усилия как-то повлиять на ход процесса или на последующую судьбу высланного Бродского успеха не имели. Все попытки симпатизировавших Бродскому людей, среди которых были и статусные деятели советской культуры, апеллировать к представителям высшего партийного эшелона в надежде убедить их в несправедливости предъявленных Бродскому обвинений и в предвзятости суда наталкивались на эффективно обработанную «закрытой» информацией, полученной из КГБ, почву. Ленинградским чекистам удалось на основе материалов допросов Бродского в январе 1962 года и изъятого тогда же у него дневника создать для партийного руководства образ опасного антисоветского элемента. Так, 12 марта 1964 года (накануне суда, приговорившего Бродского к пяти годам «выселения») К. И. Чуковский, говоривший по телефону о преследовании поэта с упомянутым Н. Р. Мироновым, услышал в ответ: «Вы не знаете, за кого вы хлопчете... Он писал у себя в дневнике: „Мне наплевать на Советскую власть“... Он кутит в ресторанах... Он хотел бежать в Америку... Он хуже [задержанного в Москве в январе 1964 года серийного убийцы Владимира] Ионесяна: тот только разбивал головы топором, а этот вкладывает в головы антисоветчину».²⁴

С аналогичной, основанной на информации из КГБ, реакцией помощника Н. С. Хрущева В. С. Лебедева (в 1962 году способствовавшего публикации «Одного дня Ивана Денисовича») сталкивается во второй половине марта 1964 года А. Т. Твардовский — Лебедев «настоятельно» советует ему «не вникать в грязное дело»²⁵ Бродского, очевидно, давая понять, что за обвинениями в тунеядстве скрыты более серьезные, известные органам госбезопасности прегрешения.²⁶

Необходимо отметить, что эта «непубличная» часть дела Бродского — таинственные политические обвинения, прикрытые ширмой «тунеядства» — и то значение, которое она играла в развитии процесса, явились полной неожиданностью для привлеченной друзьями поэта сразу после выхода фельетона в «Вечернем Ленинграде» к его защите²⁷ московской писательницы и журналистки Ф. А. Вигдоровой.

Свидетельствует ее дочь А. А. Раскина: «Что от советской власти всего можно ожидать — к этому она была подготовлена совокупностью всего, что она видела и с чем сталкивалась и чем занималась в течение всей своей журналистской деятельности. А вот к чему она действительно не была готова, так это к тому, что ей никак не удавалось добиться быстрого освобождения Бродского. Обычно, если уж она бралась за дело, то, каким бы сложным оно ни было, пусть даже и с политической подоплекой, ей удавалось своего добиться, а здесь все утыкалось в глухую каменную стену».²⁸

Вигдорова, по-видимому, осознавала источник этой неожиданной «непробиваемости». В письме к Бродскому конца августа 1964 года она (очевидно, не имея возможности по цензурным соображениям называть вещи своими именами) дает понять адресату: причина того, что все усилия по облегчению его участи оказываются неэффективными, кроется в роли КГБ в его деле. Как на ключевую фигуру, от которой зависит решение по его делу, Вигдорова указывает Бродскому на Н. Р. Миронова, осуществлявшего в качестве заведующего Отделом административных кадров ЦК КПСС партийный контроль за деятельностью госбезопасности. «Отвечать [вам] — тоже трудно. Потому, что не могу втолковать главного: дело не в Арх<ангельс>ке. И не в Коноше. И даже не в Москве и Л<енингра>де. <...> И даже не в Прокофьеве. Дело в <...> т. Миронове — и это гораздо серьезнее. <...> Еще раз хочу сказать, что если бы речь шла об Арх<ангельс>ке <...>, может, хватило бы и моего скромного влияния. А тут дело совсем, совсем другое. Постарайтесь понять».²⁹

Бродскому, вероятно, была известна позиция Миронова, высказанная тем в разговоре с К. И. Чуковским. В письме Бродского к Вигдоровой от 16 августа 1964 года из Норинской фамилия Миронова служит своего рода сигнатурой «решительной безнадежности» его дела.³⁰ Тем не менее как глава контролирующей КГБ инстанции Миронов оставался единственным доступным защитникам поэта человеком, который мог изменить судьбу Бродского.³¹ Этому мнению придерживалась Вигдорова; оно же осенью 1964 года было высказано секретарем правления СП СССР поэтом Н. М. Грибачевым ленинградской поэтессе Н. И. Грудиной.

Несмотря на скандал с Бродским на «турнире поэтов» 11 февраля 1960 года, где жюри под председательством Грудиной «аннулировало» его выступление, Грудина стала одним из самых энергичных защитников поэта среди ленинградских писателей. Ее возмущала прежде всего неубедительная позиция стороны обвинения, настаивающей (в соответствии со сценарием КГБ) на обоснованности применения к Бродскому указа о «тунеядцах». Как и Игорь Ефимов, Л. К. Чуковская и другие³², Грудина прежде всего апеллировала к тому, что, несмотря на звучащие в адрес Бродского политические

претензии, КГБ не предъявлял ему никаких официальных обвинений: «Если Бродский был виноват и преступен в прошлом — его должны были тогда же судить. Его политическое лицо не было тайной и было предметом рассмотрения опытного следствия в 1961—1962 гг. За ним не нашли провинности, заслуживающей тюрьмы. Так во имя чего поранили его, а с ним множество людей — спустя полтора года? В чем повинен Бродский с тех пор? Почему сбит с ног человек, уже поставленный на ноги умными людьми, уже добившийся первых успехов на пути талантливого, общественно полезного труда?»³³

После публикации фельетона в «Вечернем Ленинграде», рассказывала Грудина через неделю после осуждения Бродского, 20 марта 1964 года на совместном заседании секретариата и партбюро ЛО СП «я вызвала к себе Бродского, говорила с ним, „драила“ его крепко и выяснила, что он стал работать как переводчик, <...> что он изучает сам языки, что он бросил компанию [Уманского], что за ним нет никаких ни грехов, ни грешков, что он сидит дома и работает, работает много. <...> Я увидела человека, взбешенного клеветой (ему приписывались в “Вечернем Ленинграде” стихи вовсе не его <...>), — он говорил, что у него был обыск, отобрали письма, дневники... <...> Раз он работает, так, извините, он уже не тунеядец».³⁴

В марте Грудина по своей инициативе выступала общественной защитницей на процессе Бродского, публично — и с вызывающей смелостью — спорила о деле Бродского с руководителем ленинградского СП А. А. Прокофьевым (называя происходящее «воскрешением» 1937 года³⁵). Результатом ее общественной позиции стало, во-первых, частное определение осудившего Бродского народного суда от 13 марта 1964 года, где утверждалось об отсутствии у Грудина «идейной зоркости и партийной принципиальности»³⁶, и, во-вторых, объявленный ей секретариатом ленинградского СП 26 марта 1964 года строгий выговор с предупреждением о «несовместимости ее поведения со званием члена СП».³⁷ Осенью 1964 года Грудина приехала хлопотать за Бродского в Москву (10 сентября она направила обращение к генеральному прокурору Р. А. Руденко³⁸; очевидно, в то же время ею было послано недатированное письмо Н. С. Хрущеву³⁹).

Н. И. Грудина вспоминает:

«...я поехала в Москву и зашла к Николаю Грибачеву, который посоветовал мне обратиться с письмом к заведующему отделом административных органов ЦК партии Миронову.

Я взбеленилась. Говорю, что в городской прокуратуре Ленинграда слышала о том, что Миронов сказал: мол, мало дали, пусть радуется, что пять лет, а не десять. Что же к нему обращаться, когда он уже так высказался?⁴⁰

— А вы знаете, он совестливый человек, — стал уверять меня Грибачев. — Да, да, его могли и обмануть. Вы все-таки напишите, напишите. И отдайте письмо в экспедицию [ЦК КПСС].

Письмо Миронову я начала очень дерзко: „Поскольку высказанное вами мнение по делу Бродского перекрыло все нормальные пути прокурорского надзора, то вы можете считать себя виновным в том, что молодежь Ленинграда несет тяжелые идеологические потери“. И далее изложила кратко суть

дела и уехала в Ленинград, честно сказать, безо всякой надежды. И вдруг в моей квартире раздался звонок из ЦК: „С вами будет говорить товарищ Миронов“.

Господи, как он на меня орал: „То есть как это вы пишете, что я во всем виноват! Не знаю я этого дела толком! У вас есть [первый секретарь горкома и обкома партии В. С.] Толстиков, почему вы к нему не обращаетесь, а ко мне?“ Я говорю: „Потому, что он не принимает по этому делу“. Миронов орет: „И почему вы считаете, что вы одна права? Было следствие, был прокурор. Они, значит, все неправы, а вы права?! [так!]“ Я сказала: „Знаете, вас кто-то дезинформировал. Ведь он судился не по статье, а по указу. Следствия этот указ не предусматривает. Прокурора тоже не предусматривает. Вот потому, что ничего этого не было, и имела место клевета“.

Знаете, тут он захлебнулся: „То есть как по указу? Мне доложили, что по статье!“ И наконец сказал мне: „Мы не имеем права вмешиваться в судебные дела, но мы имеем право просить, и я буду просить Генерального прокурора о создании комиссии на самом высоком уровне. Это я вам обещаю!“⁴¹

Представляется очевидным, что именно телефонный разговор Миронова с Грудининой переломил ход дела Бродского. После него, 3 октября 1964 года, Миронов действительно подает в ЦК КПСС докладную записку о деле Бродского, в которой, ссылаясь на письмо Грудининой, просит «поручить т. т. [генпрокурору СССР Р. А.] Руденко, [председателю КГБ СССР В. Е.] Семичастному и [председателю Верховного суда СССР А. Ф.] Горкину проверить и доложить ЦК КПСС о существовании и обоснованности судебного разрешения дела И. Бродского».⁴² Забегая вперед, укажем, что результатом инициированной Мироновым прокурорской проверки дела Бродского станет досрочное освобождение поэта ровно через одиннадцать месяцев — 4 сентября 1965 года.

Чем же было вызвано столь решительное изменение позиции заведующего Отделом административных кадров ЦК КПСС?

5

Судя по (точным в изложении фактов) воспоминаниям Грудининой, перелом в разговоре произошел после того, как Миронову стало ясно, что Бродский осужден не «полноценным» советским судом с соблюдением всех формальных процедур Уголовного кодекса, предусмотренных законодательством, а в результате применения к нему «административного» указа от 4 мая 1961 года.⁴³ Эта незначительная, на первый взгляд, деталь на самом деле в корне меняла отношение Миронова к делу Бродского.

Информация Грудининой, по ее рассказу, стала для Миронова полной неожиданностью. Прямым следствием этого факта не могло не стать чувство недоверия, возникшее у Миронова по отношению к источнику его информации по делу Бродского — можно с уверенностью предположить, что это было УКГБ по Ленинградской области. Таким образом, актуализировался тот самый сюжет «обмана», который прозорливо предположил опытный аппаратчик

Грибачев, советуя Грудиной обратиться к Миронову. Ситуация, однако, усложнялась дополнительными обстоятельствами, связанными с биографией самого Миронова.

Дело в том, что Миронов в 1951—1959 годы сам работал в органах госбезопасности, придя туда «со стороны» — после ареста министра госбезопасности В. С. Абакумова в рамках укрепления чекистских рядов «партийными кадрами». С 1956-го по 1959-й Миронов возглавлял ленинградское УКГБ, причем годы его работы в качестве руководителя ленинградских чекистов были отмечены острыми конфликтами как с партийным руководством города, так и с руководством КГБ СССР⁴⁴, с которым он расходился в видении работы органов: Миронов был сторонником реформы методов КГБ, с упором на профилактику правонарушений, а не на репрессии.⁴⁵ Именно как к публичному стороннику «либеральных» методов апеллировали к Миронову и ранее защитники Бродского: так, в начале лета 1964 года к нему обратился с письмом бывший советский дипломат Е. А. Гнедин, присутствовавший на суде, особо подчеркивая при этом: «...пишу об этом именно Вам, тому руководящему деятелю КПСС, который недавно авторитетно сформулировал точку зрения партии на законность и правопорядок и которому, как я предполагаю, подведомственны органы, занимавшиеся делом Бродского».⁴⁶

Несомненно, права также О. В. Эдельман, предполагая, что у досконально знавшего «кухню» и методы работы КГБ Миронова были «свои счета»⁴⁷ с ленинградцами.

Не менее важно и другое обстоятельство. С августа по октябрь 1960 года Миронов работал заместителем председателя комиссии ЦК КПСС, созданной для разработки того самого указа против «паразитов» и «тунеядцев», по которому был осужден Бродский. Как деятельному сотруднику комиссии Миронову была отлично известна юридическая неполноценность будущего указа, на которую энергично указывали советские юристы — в частности, его противоречие Конституции, выражавшееся в том, что «прерогатива судить и выносить приговор переходила от суда к народным собраниям и административным органам».⁴⁸ Принятый в силу исключительно политической конъюнктуры — и как плод компромисса между юристами и партийными идеологами — указ даже в глазах готовивших его функционеров не мог выглядеть эквивалентом «обычного» судопроизводства, будучи частью системы «параюридического правосудия» (paralegal justice), окрепшей после принятия в 1961 году Морального кодекса строителя коммунизма с его «идеей бесклассового будущего, когда закон „отмирует“, «делегирующей дисциплинарные полномочия профсоюзам, товарищеским судам из жилищно-трудовых коллективов, народным патрулям, укомплектованным местными добровольцами, антитунеядским законам, регулирующим труд и поведение».⁴⁹ Одновременно у Миронова, как и у готовившей указ комиссии ЦК КПСС в целом, не вызвали энтузиазма попытки КГБ включить в зону действия указа идеологически враждебные элементы с целью расширения его применения.⁵⁰

Можно предположить: узнав о том, что представленный в полученных им материалах ленинградского УКГБ опасным политическим противником

советского строя Бродский был осужден не по «законной» политической статье с соблюдением всех формальностей судопроизводства, а по «неполноценному» указу от 4 мая 1961 года, Миронов отлично понял тактику хорошо знакомых ему ленинградских чекистов, стремившихся в отсутствие реальных фактов политически нелояльного поведения Бродского создать вымышленный образ врага, не способный, однако, устоять даже в советском суде, а потому действующих руками милиции в рамках искусственно созданного административного преследования. Характерно, что перелом в деле Бродского происходит в ходе разговора Миронова (которому, по справедливому замечанию Л. К. Чуковской, «Лернер ближе, чем Ахматова или Шостакович»⁵¹) с абсолютно лояльной советскому режиму Грудининой⁵².

Для Грудининой несомненные идейные расхождения с Бродским (которого она называла «фрондером»⁵³) никак не могут являться основанием для очевидного нарушения закона. «Если партия найдет целесообразным держать Бродского вдали от Ленинграда и Москвы какое-то число лет, — писала Грудина Хрущеву, — мы сами позаботимся о том, чтобы это было выполнено. Но не по [прошедшему над Бродским] суду. Беззаконный приговор должен быть снят. Наши дети, молодые литераторы и все, кто потрясен этим омерзительным „делом“, должны успокоиться и знать, что <19>38 год больше никогда не повторится».⁵⁴

Эта же позиция, очевидно, разделялась и самим Мироновым. Центральным пунктом отчета специальной комиссии, занимавшейся, как и обещал Грудининой Миронов, «на самом высоком уровне» проверкой дела Бродского, был следующий: «Аполитичность Бродского и преувеличение им своих литературных способностей не могут служить основанием применения Указа от 4 мая 1961 г. „Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный, паразитический образ жизни“».⁵⁵

Идея превентивного наказания потенциально опасных элементов, каковым после истории с самолетом виделся чекистам Бродский, не находила понимания у контролирующих КГБ органов. В надзорном деле Бродского сохранилась запись беседы командированного в Ленинград для проверки после обращения Миронова заместителя начальника отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности Прокуратуры СССР Л. Н. Седова с известным нам полковником Шумиловым. Фиксируя утверждение Шумилова — «Если не привлекать сегодня, то завтра будем привлекать» — Седов записывает в скобках и свою ироническую реплику: «Я преклоняюсь перед вами, если вы знаете, что произойдет завтра».⁵⁶

Свою роль сыграло и общее изменение (после пусть ограниченного, но осуждения на XX съезде партии чекистских преступлений времен «культы личности») общественной атмосферы вокруг органов госбезопасности. Как сформулировал адвокат осужденного по той же, что и Бродский, схеме (и по тем же, что и Бродский, причинам освобожденного в 1966 году) А. А. Амальрика, говоря о сотрудниках КГБ: «[Это] не те люди, которым дано нарушать законы».⁵⁷

Таким образом информации Грудининой удалось разрушить ту самую «глухую, как каменная стена» солидарную государственную позицию в отношении дела Бродского, вбив своего рода клин между двумя советскими инстанциями — КГБ и органами партийного контроля над ним — и создать конфликтное институциональное напряжение, результатом которого будет победа одной из сторон (в данном случае партийной) и пусть компромиссное⁵⁸, но в целом благоприятное для Бродского разрешение его дела.

Спустя шестнадцать дней после обращения в ЦК КПСС с просьбой проверить законность осуждения Бродского Н. Р. Миронов погиб в авиакатастрофе на подлете советской правительственной делегации к Белграду. Однако его смерть уже не могла помешать работе приведенной им в действие бюрократической машины.

¹ А. Ионин и М. Медведев (настоящая фамилия — Берман) были профессиональными журналистами; ими, видимо, и написан текст фельетона. Я. Лернер, завхоз института «Гипрошахт», командир оперотряда институтских дружинников и дружинник Дзержинского района Ленинграда (где жил Бродский), был, очевидно, сексотом КГБ и выполнял функцию коммуникатора с органами госбезопасности, транслируя их установки в освещении дела Бродского.

² Эдельман О. Процесс Иосифа Бродского // Новый мир. 2007. № 1. С. 164. В документальном фильме С. Балакирева и Н. Якимчука «Черный крестный» (1991) Я. М. Лернер также подтверждает, что материалы для фельетона «взяли из КГБ» (<https://www.youtube.com/watch?v=QedYbXWh088&t=278s>; 4.33).

³ Цит. по: *Золотонос М. Н.* Гадюшник. М., 2013. С. 677.

⁴ *Ефимов И.* Нобелевский туеядец. М., 2005. С. 10.

⁵ *Fitzpatrick Sh.* Social parasites: How tramps, idle youth, and busy entrepreneurs Impeded the soviet march to communism // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 2006. Vol. 47. № 1/2. Рус. пер.: *Фицпатрик Ш.* Паразиты общества: как бродяги, молодые бездельники и частные предприниматели мешали коммунизму в СССР / Пер. с англ. А. Балджи под ред. Е. Решетниковой // *Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940—1985* / Под ред. Е. Ярской-Смирновой и П. Романова. М., 2008. С. 236.

⁶ Известия. 1961. 28 октября. С. 2.

⁷ *Фицпатрик Ш.* Указ. соч. С. 245 и сл.

⁸ *Эдельман О.* Указ. соч. С. 164.

⁹ Из письма А. И. Бродского прокурору Ленинграда от 4 марта 1964, см.: *Гордин Я.* Рыцарь и смерть, или Жизнь как замысел: О судьбе Иосифа Бродского. М., 2010. 2-е, испр. изд. С. 77.

¹⁰ Из письма А. И. Бродского в Ленинградский горком КПСС, март 1964, см.: Там же. С. 80.

¹¹ Там же. С. 45.

¹² *Эдельман О.* Указ. соч. С. 153. Ранее некоторые документы из надзорного дела Бродского были (без каких-либо комментариев) опубликованы Н. Г. Охотиным: *Освобождение* // *Звезда*. 2000. № 5. С. 65—74.

¹³ *Ефимов И.* Указ. соч. С. 7.

¹⁴ Дело Бродского по дневнику Лидии Чуковской (декабрь 1963 — декабрь 1965) / Публ. и примеч. Е. Чуковской // *Знамя*. 1999. № 7. С. 142. Курсив мой. — *Г. М.*

¹⁵ *Михеев М. Ю.* Александр Гладков о поэтах, современниках и — немного о себе... (Из дневников и записных книжек.) М., 2019. С. 161.

¹⁶ О. В. Эдельман отмечает, что даже во вполне объективном отчете московской комиссии, проверявшей дело Бродского, инициативная роль КГБ в нем намеренно скрыта: на это прямо указывают касающиеся этого вопроса рабочие пометы членов комиссии — «писать не надо» (*Эдельман О.* Указ. соч. С. 163). Причиной этого, несомненно, были «соображения охраны секретов работы органов госбезопасности» (Там же. С. 164) — подробности контрразведывательной деятельности КГБ (а Бродским, напомним, занимался 2-й отдел УКГБ по Ленинградской области) относились к сфере государственной тайны.

¹⁷ *Штерн Л.* Поэт без пьедестала: Воспоминания об Иосифе Бродском. М., 2010. С. 135.

¹⁸ Гордин Я. Указ. соч. С. 74.

¹⁹ Там же. С. 95—96.

²⁰ Согласно внутренним документам КГБ СССР, срок дела оперативной разработки (ДОР; до 1964 — дело агентурной разработки, ДАР) не должен был превышать двух лет; см.: Приказ Председателя Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР № 00220 от 5 ноября 1964 года. М., 1964. С. 10 (издание с грифом «Совершенно секретно»).

²¹ Ср., например, относящееся уже к осени 1962-го дневниковое свидетельство ленинградского поэта и собирателя поэзии Бориса Тайгина: «Сегодня мне посчастливилось впервые видеть и слышать Иосифа Бродского, о котором в городе ходят легенды!» (Иванов Б. Место в истории // Новое литературное обозрение. 2008. № 6 (94). С. 302).

²² В изложении комиссии прокуратуры, проверявшей дело Бродского: «С октября 1962 года [Бродский] занимался только литературной деятельностью: по договорам с „Гослитиздатом“ от 22 октября 1962 года, от 17 августа 1963 года и 10 сентября 1963 года переводил стихи иностранных поэтов для сборников „Заря над Кубой“, „Романсеро“, „Поэзия Гаучо“, „Голоса друзей“. Кроме того, для журнала „Костер“ написал детские стихи, очерк „Победители без медали“ и „Балладу о маленьком буксире“. По договору от 18 мая 1963 года с Ленинградской студией телевидения написал сценарий для кинофильма „Баллада о маленьком буксире“» (Эдельман О. Указ. соч. С. 160).

²³ Бродский был «предупрежден о трудоустройстве» отделом милиции Дзержинского района Ленинграда уже 19 июля 1962 года — через восемь дней после составления (очевидно — в рамках заведения дела оперативной разработки) заместителем начальника 2-го отдела ленинградского УКГБ П. П. Волковым подробной справки о нем по результатам допросов по делу Уманского—Шахматова (Там же. С. 159). Такое предупреждение означало фактически неизбежное заведение «дела о тунеядстве».

²⁴ Дело Бродского по дневнику Лидии Чуковской... С. 142.

²⁵ Твардовский А. Т. Новомирский дневник. В 2 т. Т. 1: 1961—1966 / Предисл. Ю. Г. Буртина; подг. текста, коммент. В. А. и О. А. Твардовских. М., 2009. С. 241.

²⁶ «Я еще буду иметь возможность разузнать о подоплеке этого дела, но сейчас мне неясно, в чем она», — писал Твардовский А. В. Македонову 30 марта 1964 (Там же. С. 595).

²⁷ См.: Розенблюм О. «Но от знания до поведения тоже есть еще путь, и немалый»: Образ писателя-защитника в воспоминаниях о Фриде Вигдоровой (1965—1966) // Семиотика поведения и литературные стратегии: Лотмановские чтения — XXII. М., 2017. С. 303.

²⁸ Раскина А. Фрида Вигдорова и дело Бродского: мифы и реальность // Вигдорова Ф. Право записывать. М., 2017. С. 268.

²⁹ Там же. С. 276—277.

³⁰ Там же. С. 275.

³¹ В том же письме Бродскому конца августа 1964-го Вигдорова сетует, что не может найти выход на Н. С. Хрущева (Там же. С. 277).

³² См., например: «...политическое лицо Бродского нам известно. <...> Я бы лично сказал, что его с более чистой совестью надо было судить по политической статье, чем за тунеядство. Но это дело не в моей компетенции» (Гранин Д. А., 26 марта 1964; см.: Золотоносов М. Н. Указ. соч. С. 624); «По-видимому, его [Бродского] судили не за то, за что надо было его судить. Я не знаю этого, товарищи, я не вел следствия, но на суде ему было предъявлено обвинение только в тунеядстве» (Эткинд Е. Г., 20 марта 1964; см.: Там же. С. 625).

³³ Письмо Грудиной к Н. С. Хрущеву, сентябрь 1964; см.: Звезда. 2000. № 5. С. 67—68.

³⁴ Шнейдерман Э. Круги по воде (Свидетели защиты на суде над Иосифом Бродским перед судом ЛО Союза писателей РСФСР) // Звезда. 1998. № 5. С. 189.

³⁵ На совместном заседании секретариата и партийного бюро Ленинградского отделения СП 20 марта 1964; см.: Там же. С. 190. Тема дела Бродского как рецидива репрессивной политики времен «культы личности», осужденного КПСС на XX (1956) и XXII (1961) съездах, стала лейтмотивом в обращениях защитников поэта к властям. Ср.: «авторы фельетона [«Окололитературный трутень»] <...> тенденциозно исказили факты, приписали Бродскому чужие стихи, поступки и т. д. Непохоже даже, что в наши дни так пишут. Это фельетон — обычный в наших газетах до <19>53 года» (из письма В. Е. Ардова к первому секретарю Ленинградского обкома КПСС В. С. Толстикову, 17 декабря 1963; см.: Орлов В., Устинов А. Неуслышанные голоса: Материалы к «делу Бродского» // Звезда. 2020. № 5. С. 77); термин «рецидив» показательно вынесен в заглавие статьи Л. К. Чуковской, посланной в «Литературную газету» 4 марта 1964; в ней Чуковская писала: «Когда я прочла первую статью о нем [Бродском], опубликованную в газете „Вечерний Ленинград“ 29 ноября 1963 года, мне показалось, что меня каким-то чудом перенесли из <19>63-го обратно в <19>37-й. Или, скажем, в <19>49-й» (Там же. С. 82).

³⁶ Шнейдерман Э. Указ. соч. С. 185. Другими общественными защитниками Бродского на процессе, также попавшими в частное определение суда, были В. Г. Адмони и Е. Г. Эткинд. 15 января 1965 на отчетно-выборном собрании писателей Ленинграда выговоры Грудининой, Адмони и Эткинду были сняты, перед ними извинился новый — вместо А. А. Прокофьева — председатель правления ЛО СП Д. А. Гранин. Перевыборы руководства ЛО СП также явились одним из следствий дела Бродского (подробнее см.: *Золотонос М. Н.* Указ. соч. С. 610—614).

³⁷ Там же. С. 628. Грудинина стала основной мишенью критического фельетона по следам суда над Бродским, написанного в апреле 1964 заведующим корпунктом «Литературной газеты» в Ленинграде Д. Т. Хренковым (текст не был опубликован; см.: *Орлов В., Устинов А.* Указ. соч. С. 85—92).

³⁸ Эдельман О. Указ. соч. С. 155. О приезде Грудининой см.: Дело Бродского по дневнику Лидии Чуковской... С. 147.

³⁹ См.: Звезда. 2000. № 5. С. 67—68.

⁴⁰ В дневнике Л. К. Чуковской эти слова — в пересказе К. А. Федина К. И. Чуковскому — приписаны Н. С. Хрушеву (см.: Дело Бродского по дневнику Лидии Чуковской... С. 147).

⁴¹ Якимчук Н. Как судили поэта (Дело И. Бродского) / Предисл. и послесл. С. Балакирева. Л., [1990]. С. 25—26.

⁴² Эдельман О. Указ. соч. С. 155.

⁴³ В изложении современного юриста правовой кейс дела Бродского представляется следующим образом: «По форме процесс над Бродским больше всего похож на то, что мы сегодня назвали бы делом об административном правонарушении. Еще не было единого Кодекса об административных правонарушениях, он появится только 20 лет спустя, в 1984 году, но неуголовные правонарушения существовали в различных законах и указах Президиума Верховного Совета. По одному из таких указов и судили Бродского. Хотя, сокращая Бродскому срок ссылки, Верховный суд РСФСР сослался на Уголовно-процессуальный кодекс, процесс был неуголовный, и нормы УПК были применены, скорее всего, по аналогии: в 1960-х годах еще не было не только единого законодательства об административных правонарушениях, но и норм о производстве по таким делам и общих положений о наказаниях» (*Коротеев К.* «Дайте срок без приговора!»: записи Фриды Вигдоровой в контексте юридической практики в Российской Федерации 1960-х и 2010-х гг. // Acta samizdatica: Записки о самиздате: альманах / Сост. Е. Н. Струкова, Б. И. Беленкин, при участии Г. Г. Суперфина. М., 2018. Вып. 4. С. 280).

⁴⁴ См.: *Петров Н.* Первый председатель КГБ Иван Серов. М., 2005. С. 326—327.

⁴⁵ Свои взгляды на работу органов безопасности Миронов изложил в статье «За смелое применение профилактических предупредительных мер и усиление связи с народом» (Сборник Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР. [Вып.] 1. М., 1959. С. 55—74; ведомственное издание с грифом «Совершенно секретно») и в брошюре: *Миронов Н. Р.* Программа КПСС и вопросы дальнейшего укрепления законности и правопорядка. М., 1962. Ср. относящийся к концу мая 1965 эпизод: «Когда [Александр] Гинзбург накануне публикации своего <...> письма в „Вечерней Москве“ был у редактора со своим опекуном из КГБ, тот расхвастался: вот, мол, мы в КГБ применяем новые методы работы, не сажаем людей, не высылаем, а перевоспитываем» (*Амальрик А.* Нежеланное путешествие в Сибирь. New York, 1970. С. 147—148). Об изменениях стратегии КГБ на рубеже 1960-х см.: *Lezina E.* From Mass Terror to Mass Social Control: The Soviet Secret Police's New Roles and Functions in the Early Post-Stalin Era // Social Control under Stalin and Khrushchev: The Phantom of a Well-Ordered State / Ed. Aaron Retish and Immo Rebitschek. Toronto, 2023. P. 263—297.

⁴⁶ Цит. по: *Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. В 3 т. Т. 3. 1963—1966. М., 2013. С. 426. Речь идет о статье Миронова «Укреплять законность и правопорядок», опубликованной в «Правде» 8 мая 1964, с утверждениями о том, что в годы культа личности «органы государственной безопасности <...> зачастую сводили свою деятельность к огульному использованию силы репрессий. Предупредительно-профилактические меры были в забвении. Функции административных органов рассматривались только как карательные», и с констатацией — «партия навсегда покончила с извращениями периода культа личности, исключив всякую возможность проявления чего-либо подобного» (с. 2).

⁴⁷ Эдельман О. Указ. соч. С. 156.

⁴⁸ Фицпатрик Ш. Указ. соч. С. 226.

⁴⁹ Reich R. Words on Trial: Morality and Legality in Frida Vigdorova's Journalism // Slavic Review. 2022. Vol. 81(2). P. 354.

⁵⁰ Фицпатрик Ш. Указ. соч. С. 231, 240.

⁵¹ Штерн Л. Указ. соч. С. 135.

⁵² Л. К. Чуковская 11 сентября 1964 так характеризует Груднину: «Женщина она малоинтеллектуальная, ограниченная, даже неумная — но с прелестной улыбкой, доброй, застенчивой и смелой» (Дело Бродского по дневнику Лидии Чуковской... С. 147).

⁵³ Шнейдерман Э. Указ. соч. С. 197. Не зная всех деталей, Бродский, видимо, понимал ту роль, которую сыграла Груднина в его освобождении; перед отъездом из СССР он встретился с ней и подарил отпечаток своей публикации в «Russian Literature Triquarterly» (1972, № 3) с инскриптом: «Дорогой Наталье Иосифовне Грудниной от Иосифа Бродского, подзащитного, подопечного, от поэта и, кажется, от путешественника. 27. V. <19>72 г. Ленинград» (Груднина Н. Двоевластие. [СПб.], 2015. С. 12—13).

⁵⁴ Звезда. 2000. № 5. С. 68.

⁵⁵ Там же. С. 70. Отчет комиссии 7 декабря 1964 был направлен, как и предлагал Миرون, генпрокурору СССР, председателю Верховного суда СССР и председателю КГБ СССР.

⁵⁶ Эдельман О. Указ. соч. С. 164.

⁵⁷ Амальрик А. Указ. соч. С. 147.

⁵⁸ Компромиссность решения по Бродскому — в результате поэт был не оправдан, а освобожден из-за снижения ему срока высылки «до фактически отбытого» (Эдельман О. Указ. соч. С. 167) — целиком объяснялась фактом широкой общественной поддержки Бродского и международного резонанса его дела. С самого начала дела Бродского общественная кампания в его защиту расценивалась ее участниками и наблюдателями как один из факторов, повлиявших на советские власти. «Можно предполагать, что именно реакция общественного мнения и на Западе, и в нашей стране повлияли на судьбу поэта Бродского», — утверждалось, например, в передаче Би-би-си 12 января 1965 (Толстой И., Устинов А. «Молитесь Господу за переписчика»: Вокруг первой книги Иосифа Бродского // Звезда. 2018. № 5. С. 8). Этот, получивший широкое распространение, тезис, в хронике жизни и творчества Бродского принявший вид констатации того, что «в результате вмешательства видных деятелей европейской культуры <...>, вызванного публикацией на Западе записи судебного процесса, сделанной Ф. А. Вигдоровой, Бродский <...> освобожден досрочно» (Иосиф Бродский: Хронология жизни и творчества: 1940—1972 / Сост. В. А. Куллэ // Мир Иосифа Бродского: Путеводитель. СПб., 2003. С. 15), выглядит сегодня наивным. Напротив, поиски выхода из ситуации без «потери лица» для КГБ и судебных органов, принимавших решения по Бродскому, лишь отсрочивали момент окончательной формулировки указания о его освобождении. Сколько можно понять, вариант разрешения дела, при котором поэт был бы освобожден, но без какого-либо признания государством его изначальной правоты и невиновности, стал предметом неформальной договоренности между группой защитников Бродского во главе с Грудниной и Генеральной прокуратурой. Этот вариант, против которого уже не возражал под давлением Москвы и ленинградский КГБ, желавший лишь его отсрочки на «месяца 2—3» (Эдельман О. Указ. соч. С. 164), первоначально предполагал передачу Бродского «на поруки» ленинградским писателям — дабы «вся эта шумиха [по освобождению] не вскружила Бродскому голову» (Там же. С. 166). Принципиальным моментом был отказ в любом случае признавать невиновность поэта, то есть реабилитировать его. «Если реабилитировать, будет не здорово», — прямо формулировал полковник Шумилов (Там же. С. 164). В полном соответствии с этой линией КГБ в январе 1965 выступает перед членами ЛО СП и секретарь ленинградского обкома КПСС Г. А. Богданов: доводя до них информацию из справки КГБ о Бродском («полтора года назад Бродский пытался совершить акт измены Родине, захватить военный самолет и улететь»), он подчеркивает, что генеральный прокурор согласен освободить Бродского «в связи с тем, что сейчас он ведет себя хорошо и в связи с тем, что его берут на поруки известные писатели <...> но не реабилитировать!» (Золотоносов М. Н. Указ. соч. С. 612). Показательным материалом для сравнения является типологически идентичное делу Бродского дело А. А. Амальрика, арестованного московским КГБ в 1965 за общение с иностранцами и написание «порнографических» пьес. После неудачи с предъявлением ему уголовного (политического) обвинения Амальрик был искусственно подведен под указ от 4 мая 1961 и сослан на два с половиной года; дело его не имело никакого общественного резонанса и в 1966 он был, в отличие от Бродского, фактически оправдан Верховным судом РСФСР, преодолевшим, как и в деле Бродского, сопротивление местных (в данном случае московских) районного и городского судов, находившихся под контролем КГБ; реальная политическая подоплека дела (включая параллели с делом Бродского) подробно изложена Амальриком в книге «Нежеланное путешествие в Сибирь» (1970).